

Тейтельбаум Елена Сергеевна

Teytelbaum Elena Sergeevna

кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

PhD, Associate Professor, Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Culture Theory, Ural Federal University

«Я – ЭТО Я И МОИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА»: ОСМЫСЛЕНИЕ ДУХОВНОГО КРИЗИСА МЕЖВОЕННОЙ ЕВРОПЫ В ФИЛОСОФИИ Х. ОРТЕГА-И-ГАССЕТА [1]

'I AM MYSELF AND MY CIRCUMSTANCE': REFLECTION ON THE SPIRITUAL CRISIS OF INTERWAR EUROPE IN ORTEGA Y GASSET'S PHILOSOPHY [1]

Аннотация:

Статья посвящена осмыслению духовного кризиса межвоенной эпохи в философии Хосе Ортега-и-Гассета. Анализируются последствия кризиса, связанного с утратой Испанией последних колоний в Латинской Америке, исследуется влияние Первой мировой войны на испанское общество, рассматриваются особенности историко-политической ситуации в Испании в 1920–1930 гг., раскрывается влияние постимперской ситуации в Испании, Первой мировой войны и политического и культурного кризиса межвоенной Европы на воззрения Хосе Ортега-и-Гассета и его общественную деятельность. Большое внимание уделяется анализу перспективизма и теории наций Ортега-и-Гассета. Теория обстоятельств Х. Ортега-и-Гассета рассматривается как основа всех его философских идей: прослеживается связь между теорией обстоятельств и другими темами его размышлений: перспективизмом, теорией наций, теорией масс.

Ключевые слова:

испанская философия, перспективизм, межвоенный период, постимперский кризис, Первая мировая война, «Поколение 98 года», философия войны, теория масс.

Summary:

The study deals with the reflection on the spiritual crisis of the interwar period in Ortega y Gasset's philosophy. The paper analyzes the effects of the crisis caused by the loss of the last Spanish colonies in Latin America, examines the impact of the First World War on Spanish society, and discusses the aspects of the historical and political situation in Spain in the 1920–1930s. Besides, the research reveals the impact of the post-imperial situation in Spain, the First World War, and the political and cultural crisis of interwar Europe on views of Jose Ortega y Gasset and his public activities. The emphasis is placed on the review of perspectivism and the theory of nations by Ortega y Gasset. The Ortega's theory of circumstance is considered as the basis for his philosophical ideas; his views on perspectivism, the theory of nations, and the theory of mass are analyzed in the context of the theory of circumstance.

Keywords:

Spanish philosophy, perspectivism, interwar period, post-imperial crisis, The First World War, Generation of 1898, war philosophy, theory of mass.

Отправной точкой всей философии Хосе Ортега-и-Гассета является сказанная им в «Размышлениях о Дон Кихоте» фраза: «Я – это я и мои обстоятельства» [2, р. 16]. «У человека нет природы, у него есть лишь история», – говорил Ортега. Наше «я», считал он, формируется под влиянием внешних условий, оно детерминировано исторической ситуацией, в которую мы погружены, определенным временем и местом.

Хосе Ортега-и-Гассет родился в 1883 г., и «обстоятельствами», сформировавшими его «я» и определившими вектор развития его философии, стали переживавшая постимперский кризис Испания, две мировые войны и межвоенный период. Остановимся на этих событиях подробнее.

Под постимперским кризисом обычно мы понимаем ситуацию, сложившуюся в Европе после краха великих империй в результате Первой мировой войны. Однако в Испании был свой постимперский кризис, который начался на полтора десятилетия раньше: в 1898 г. страна потеряла последние колонии в Латинской Америке и тяжело переживала утрату статуса великой колониальной империи. События 1898 г. пробудили новую волну рефлексии – о роли Испании в мировой цивилизации, о путях развития страны. Предметом размышлений испанских интеллектуалов становится так называемая «проблема Испании», объединившая мыслителей «Поколения 98 года», к которому относят М. де Унамуно, Асорина, Пио Бароку и многих других. Стоит отметить, что это «поколение» не было организованной группой интеллектуалов, они были объединены в поколение позже, так как имели много общего: были близки друг другу по возрасту, находились под влиянием «катастрофы 98 года» и затрагивали в своем творчестве те же проблемы, хотя предлагали разные пути их решения.

Хосе Ортега-и-Гассета иногда причисляют и к «Поколению 98 года», так как он также отвечал перечисленным выше критериям. Однако чаще его относят к другой группе – к «Поколению 14 года», которое было так названо вовсе не из-за даты начала Первой мировой войны, а в честь выхода первой книги Ортеги «Размышления о Дон Кихоте» и прочтения им лекции «Старая и новая политика» – событий, всколыхнувших испанских интеллектуалов начала XX в.

Первая мировая война тем не менее оказала огромное влияние на Хосе Ортега-и-Гассета. Официально Испания объявила о своем нейтралитете, однако в реальности война разделила страну на два лагеря и стала своего рода прологом к Гражданской войне. Автор монографии «Испания в Первой мировой войне» Максимилиано Фуэнтес Кодера писал: «Ни один испанский солдат не погиб на поле боя, но катастрофа, потрясшая Европу, совершила такой переворот в политической и духовной жизни страны, какой не произвело никакое международное событие ни до, ни после» [3, р. 11]. По мнению еще одного исследователя, Хосе-Карлоса Майнера, «разразившаяся в конце лета 1914 г. Первая мировая война пробудила испанское общество от многовекового сна, в котором оно жило» [4, р. 141–142]. И несмотря на то, что правительство с упорством настояло на нейтралитете, страна переживала необычное политическое возбуждение, и нередко испанцы высказывались о том, что «то, что страна не участвовала с оружием в руках в этом конфликте, было национальным позором» [5, р. 92].

Для Ортеги война и мир были своего рода индикаторами жизненной силы государства. Война – это вызов государству, она требует от страны огромных ресурсов. В примечаниях к статье Шелера «Гений войны и немецкая война», а также в статье «По поводу пацифизма» он писал, что война – это гениальная техника жизни, это стимул к жизни. И то, что Испания заняла нейтральную позицию в Первой мировой войне, свидетельствовало о слабом жизненном пульсе нации.

Официально сохранявшая нейтралитет страна разделилась на два лагеря. Первый лагерь составляли альядофилы – сторонники Антанты. Их противников, поддерживающих Тройственный союз, называли германофилами. И хотя участники «Поколения 14 года», приверженцы идеалов свободы, справедливости и демократии, были альядофилами, позиция Ортеги была не столь однозначна: будучи горячим поклонником немецкой культуры (в юности он учился в немецком университете, прекрасно владел немецким языком, любил и знал немецкую культуру), он, однако, не разделял политических взглядов немцев и в том, что касается политики, поддерживал альядофилов.

Ортега не раз подчеркивал, что война стала следствием недостатка рефлексии. 7 августа 1916 г., выступая на конференции в Буэнос-Айресе, Ортега отметил, что главной функцией философии является распространение мира и что Первая мировая война родилась из эпохи наибольшей слабости философии [6, р. 38–39].

С началом войны Ортега начинает интересоваться военным делом, проблемой оправданности войны. Его личная библиотека пополняется книгами, посвященными изучению последствий Великой войны: в ней появляются «Военные документы» Н. Чемберлена (1915), «Первые последствия войны: психологическая трансформация народов» Г. Лебона (1916), «Обломки войны» М. Метерлинка (1916), «Биология войны: заметки немецкого ученого» Ж.-Ф. Николая (1917), «Дух китайского народа и выход из войны» Хуна Минга Ку (1917), «Мировая мутация: законы творения о войне и мире и рождение новой цивилизации» М. Мерзэ, а также работы К. Каутского, Х. Васта, Дж. Кейнса. Он читает К. Либкнехта, Рамиро де Маэсту, увлекается трудами Макса Шелера, изучает его статьи «Гений войны и немецкая война» (1915), «Война и восстановление» (1916), «Причины ненависти к Германии» (1917). Многие работы Шелера появляются в личной библиотеке Ортега. Следует также отметить, что тексты немецкого философа, в которых он размышлял о феноменологии, этике и метафизике войны, оказали огромное влияние на концепцию Ортеги, который в 1918 г. пишет три статьи о мире без войны: «Мир и Испания», «В момент мира», «Возвышенные моменты».

Основные идеи Ортеги, касающиеся войны, можно свести к следующим.

1. Война – явление человеческое, а не животное и имеет два измерения: биологическое и духовное.
2. Война – исторический факт, ее можно преодолеть посредством переосмысления с точки зрения культуры.
3. Фундаментальная этическая проблема, которую ставит война, – это проблема насилия и права на убийство.

Также следует отметить, что Ортега-и-Гассет критически относился к интеллектуальному милитаризму Шелера, однако презирал и пацифизм, который считал интеллектуально бедным, абстрактным и утопичным. Мир, по мнению Ортеги, так же, как и война, является действием, а не просто отрицанием войны. Мир сложнее, чем война, мир – это не инерция и не спокойствие, это тоже борьба, но если война – это борьба страстей, мир – это борьба добродетелей: эффективности, ловкости, способности предвидеть и просчитывать следующий шаг, способности ясно видеть и оценивать происходящее вокруг. От войны мы укрываемся, убегая от нее. Но «борьба в ситуации

мира не терпит нерешительности: народ, который не будет участвовать в этой торговой, промышленной, интеллектуальной и нравственной борьбе, может попрощаться с жизнью» [7, р. 452], – писал Ортега. Он призывал к «активному нейтралитету», который поспособствовал бы обновлению страны, ведь война должна была привести к установлению нового мирового порядка.

Необходимость придерживаться активной позиции отражена также и в уже процитированной нами в начале статьи фразе: «Я – это я и мои обстоятельства». Продолжение ее звучит так: «И если я не изменю их, я не смогу изменить себя». Чтобы спастись самому, человек должен изменить, «спасти» свои «обстоятельства» – мир, в который он погружен. Изменять обстоятельства Ортега стремился посредством участия в общественной жизни. Интеллектуалы, считал он, могут изменить общество, занимаясь просветительской деятельностью. Ортега верил в спасительные возможности культуры, под которой он понимал не просто совокупность определенных знаний, а свод принципов, регулирующих жизнь человека и общества, и полагал, что интеллектуалы способны изменить мир – те самые «обстоятельства» – и должны внести свой вклад в восстановление страны и добиться ее престижа в мире.

Сам Ортега активно занимался издательской деятельностью, выступал с лекциями, писал статьи и книги. При этом язык его текстов и выступлений был предельно ясен и понятен («Ясность – вежливость философа», – любил говорить он), за что его нередко критиковали, ставя ему в вину упрощение языка философии. Ортега также руководил еженедельником «Эспанья», в котором публиковались представители «Поколения 14 года». Основными темами публикаций были политика, общество, экономика, литература, искусство, большое внимание уделялось международным отношениям. В 1923 г. Ортега начинает выпускать «Ревиста де Оксиденте» – журнал, важность которого в межвоенный период отмечалась неоднократно и который выходил ежемесячно вплоть до начала Гражданской войны в 1936 г. В этом журнале публиковались известные испанские, европейские и американские интеллектуалы, он славился своими аполитичностью, космополитизмом и ориентацией на западные ценности.

Вообще, темы, затрагиваемые Ортегой в статьях, выступлениях, книгах, были напрямую связаны с его «обстоятельствами». Одной из важнейших проблем для него (как и для других мыслителей – представителей «Поколений 98 и 14 года») была проблема Испании, лишившейся статуса великой империи и ищущей новые пути развития. Личная судьба, считает Ортега, неотделима от национальной судьбы – поэтому его так волнует проблема Испании. «У меня болит Испания», – писал он. Он анализирует особенности испанской культуры, пытается определить ее место в мировой цивилизации, обозначить основные решения «испанской проблемы». Испания, считает Ортега, склонна к субъективизму: испанцам свойственно рассуждать о вещах, не давая им точной дефиниции, не имея четкого метода. Причина упадка Испании – в недостатке науки, в отсутствии способности к системному мышлению, в отсутствии теории. По мнению Ортеги, этой испанской склонности «хвалить и опровергать нервами» следует противопоставить немецкое научное мышление, и тогда решение испанского вопроса придет само: «Испания – проблема, Европа – решение», – говорил он.

Следует отметить, что «проблема Испании» у Ортеги также тесно связана с его теорией обстоятельств. Нация, считает он, – это первейшая объективная реальность, с которой сталкивается человек, своеобразная точка отсчета, важнейшая опора человека, потерявшегося в мире. Собственно обстоятельство принадлежности человека к определенной нации – это первое, с чем сталкивается человек, и именно оно является тем ориентиром, который связывает человека с внешним миром. Нация как коллектив дарует человеку гармонию с внешним миром. «Индивид может ориентироваться во вселенной лишь через свой народ, он является частью этого народа – как капля воды в проплывающем облаке» [8, р. 14]. Нация – это определенное *обстоятельство* и в то же время определенная *перспектива* – т. е. определенное видение мира, стиль жизни, образ мыслей. Отметим, что идея нации не имела у Ортеги четкого определения: в этом же смысле он использовал такие термины, как «народ», «государство» и даже «политическая власть», хотя со временем он начал придавать этим понятиям различный смысл.

Ортега развивает теорию перспективизма (идея которого уже встречалась у Лейбница, Ницше и Гуссерля): «Из Эскориала, этой строгой империи геометрии и камня, где отдыхает моя душа, я вижу сначала согнутую одноглазую руку, протянутую Мадриду горной цепью Гуадаррамы. Житель Сеговии со своих красных земель увидит противоположный склон. Стоит ли нам спорить, какая из этих точек зрения является истинной? Они обе истинны – именно потому, что различны» [9, р. 15]. Как отмечал А.М. Руткевич, «поскольку точка зрения и пейзаж взаимозависимы, то бесконечное множество возможных точек зрения задает плюрализм перспектив» [10, с. 19].

И визуальной перспективой, само собой, дело здесь не ограничивается. Существует также перспектива интеллектуальная, ценностная. Перспектива у Ортеги – своего рода принцип, организующий реальность. «Безличной» универсальной картины мира, утверждает испанский философ, не существует.

Ортега сравнивает свою теорию перспективизма с теорией относительности Эйнштейна, благодаря которой на смену абсолютному, детерминистскому видению мира, характерному для ньютоновской системы, пришла относительность как утверждение богатства мира, его многообразия и свободы.

При этом перспективизм Ортеги неотделим от его теории наций, так как индивидуальная перспектива, полагает он, вписана в перспективу национальную: «Человечество состоит из наций, и в каждой нации индивид является органом восприятия, отличающимся от других» [11, р. 14].

Нация, таким образом, формирует определенную коллективную перспективу, через которую человек смотрит на мир. Нация – это образ мыслей, который выражается в мифологии, собирающей в себе основные идеи и верования определенной группы людей. Этот образ мыслей человек не подвергает сомнению, он является своеобразным якорем, дающим заброшенному в огромный мир, дезориентированному человеку ощущение стабильности. Нация позволяет наследовать традиции прошлого, чтобы не изобретать мир *ex novo* каждый раз.

У каждого своя перспектива: каждый субъект – это точка зрения на мир. Так же и нация, которую Ортега определял в том числе и как «образ мыслей». Каждая нация, как и человек, включает в себе определенное видение мира, поэтому существует бесчисленное множество различных видений мира – личных и национальных. Однако это многообразие ни в коем случае не релятивизирует мышление и не препятствует поиску истины. Напротив: только общая перспектива, включающая в себя различные индивидуальные и национальные перспективы, дает нам адекватное восприятие видимого. Таким образом, перспективизм предлагает также и решение волновавшей Ортегу проблемы Испании: Испания, проецируя себя за пределы своих границ (физических и интеллектуальных), должна представить миру свою самобытность, свою оригинальную интерпретацию мира, свое особое миропонимание.

В то же время нация организует существование человека, вписывая его в определенные рамки, границы, не позволяет ему свободно двигаться в будущее. В начале XX в. нация стала окаменевшей реальностью, препятствующей развитию. Интеллектуальный космополитизм способствовал частичному преодолению этих границ, однако был недостаточен.

Еще одной важной темой размышлений Ортеги в межвоенный период было появление человека массы. «Триумф масс», по его мнению, объяснялся ростом населения. Человек стал здоровее и сильнее, но в то же время проще и примитивнее, потому что традиционная культура XIX в. оказалась беспомощной перед лицом демографических процессов и была не в состоянии дать культурные ориентиры человеку массы. Важной чертой этого «нового человека», считает Ортега, является отсутствие норм, которое стало следствием восстания и победы худших.

С этими процессами он связывает появление в межвоенный период большевизма, фашизма, а также немецкого национал-социализма. В статьях «Пролог для немцев» (1934) и «Черта немецкой жизни» (1935) Ортега проводит параллели между нацистской Германией и Испанией XV в. Главное сходство он видит в обезличивании людей, в ущемлении их прав. Нацизм, считает Ортега, не был случайностью, он стал логическим следствием немецкой истории – истории страны, стремившейся любой ценой утвердить коллективные ценности. Отметим также, что победа нацизма не стала для Ортеги сюрпризом: о подобном развитии событий он предупреждал несколькими годами раньше, когда жил в Германии и обучался в Марбургском университете.

Следует отметить, что политическая и социальная философия Ортеги, его осмысление проблемы человека и массы также находится в тесной связи с темой «обстоятельств», ведь индивидуальная реальность, считает он, вписывается в окружающий мир, который, в свою очередь, является частью «я». В статье «Черта немецкой жизни», а также в работе «Человек и люди» Ортега утверждает, что эти реальности, индивидуальная и социальная, нуждаются друг в друге, они не противостоят друг другу и не может быть ни человека без общества, ни общества без людей.

Творчество Хосе Ортега-и-Гассета стало реакцией на исторические события, имевшие место в Европе первой трети XX в. В 1932 г., через восемнадцать лет после публикации «Размышлений о Дон Кихоте», в которых впервые была изложена теория обстоятельств, Ортега писал: «Я – это я и мои обстоятельства. Эта фраза появляется в моей первой книге и является квинт-эссенцией моих философских размышлений в последнем томе. И это не просто доктрина, которую я отстаиваю в своем творчестве, потому что само мое творчество – это воплощение, реализация этой идеи. Мое творчество, по сути, зависит от обстоятельств, и я хочу сказать, что оно является таковым неслучайно» [12, р. 347].

Обстоятельства, этот «радикальный элемент, из которого состоит жизнь» [13], детерминировали темы размышлений Ортега-и-Гассета, а теория обстоятельств стала неизменной основой всех других его концепций, невидимой нитью, связавшей воедино всю его философскую систему.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).
2. Ortega y Gasset J. *Meditaciones del Quijote*. Madrid, 1958. 192 p.
3. Fuentes Codera M. *España en la Primera Guerra Mundial*. Madrid, 2014. 238 p.
4. Mainer J.C. Una frustración histórica: la aliadofilia de los intelectuales. La guerra española a través del Bulletin Hispanique // *Literatura y pequeña burguesía en España (Notas 1890–1950)*. Madrid, 1972. 278 p.
5. Abellán J.L. *Historia crítica del pensamiento español*. Tomo V. La crisis contemporánea. De la Gran Guerra a la Guerra Civil Española (1914–1939). Madrid, 1991. 452 p.
6. Ortega y Gasset J. *Meditación de nuestro tiempo*. Las conferencias de Buenos Aires, 1916 y 1928. Madrid, 1996. 296 p.
7. Ortega y Gasset J. *Obras Completas*. Madrid, 1994. Tomo X.
8. Ortega y Gasset J. *Meditaciones del Quijote*. P. 14.
9. *Ibid.* P. 15.
10. Ортега-и-Гассет Х. *Избранные труды* : пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М., 2000. 701 с.
11. Ortega y Gasset J. *Meditaciones del Quijote*. P. 14.
12. Ortega y Gasset J. A una edición de sus obras // Ortega y Gasset J. *Obras Completas*. Vol. VI.
13. *Ibid.*

References:

- Abellán, JL 1991, *Historia crítica del pensamiento español*, Tomo V, *La crisis contemporánea. De la Gran Guerra a la Guerra Civil Española (1914-1939)*, Madrid, 452 p., (in Spanish).
- Fuentes Codera, M 2014, *España en la Primera Guerra Mundial*, Madrid, 238 p., (in Spanish).
- Mainer, JC 1972, "Una frustración histórica: la aliadofilia de los intelectuales. La guerra española a través del Bulletin Hispanique", *Literatura y pequeña burguesía en España (Notas 1890-1950)*, Madrid, 278 p., (in Spanish).
- Ortega y Gasset, J 1958, *Meditaciones del Quijote*, Madrid, pp. 14, 15, (in Spanish).
- Ortega y Gasset, J 1994a, "A una edición de sus obras", *Obras Completas*, Madrid, Tomo VI, (in Spanish).
- Ortega y Gasset, J 1994b, *Obras Completas*, Madrid, Tomo X, (in Spanish).
- Ortega y Gasset, J 1996, *Meditación de nuestro tiempo. Las conferencias de Buenos Aires, 1916 y 1928*, Madrid, 296 p., (in Spanish).
- Ortega y Gasset, J & Rutkevich, AM (comp.) 2000, *Selected Works*, Moscow, 701 p., (in Russian).